

СЛОВО О ВЕЛИКОМ УЧИТЕЛЕ

Леонид Лукич Ситар

Известный врач-кардиохирург высшей категории, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники, лауреат Государственной премии Украины. Ученик Н.М. Амосова. Он первым в СССР провел сложнейшую операцию по замене дуги аорты, был первопроходцем и в решении других трудных задач кардиохирургии. За его плечами — более 8 тысяч операций на сердце. Годы работы рука об руку с Учителем помогли выработать собственное кредо кардиохирургии: "Я всегда говорю, что кардиохирургия сродни шахматам — сначала работаешь головой, а потом руками. Тут надо мыслить, знать, что делаешь и с какой целью, а не просто фигурки переставлять". "Я не встречал другого человека, который был бы настолько правдивым, порядочным и неприхотливым. Николай Михайлович был для меня примером и в профессиональном, и в нравственном плане". (Л.Л. Ситар)

Николая Михайловича ценю как никого в мире, он для меня как второй отец. Он был великим человеком, но вместе с тем очень простым и доступным. Легкий в общении, но не терпящий фальши, не дающий спуска никому. Бывало, ругал и меня, но, как правило, за дело. Амосов был руководителем моей кандидатской и докторской диссертаций. С его легкой руки я занялся хирургией аневризм грудной аорты. Эта патология была неразрешимой проблемой до 60-70-х годов прошлого столетия. Николай Михайлович в своей книге описал операцию по поводу аневризмы аорты, проведенную девочке, которая, к сожалению, умерла на операционном столе от кровотечения. После этого Амосов признал, что оперировать таких больных еще рано. Он поручил мне заниматься этой проблемой, поскольку публикаций и информации об успешном хирургическом лечении данного заболевания было мало. В основном опыт был у кардиохирургов США. Много лет спустя я показал Николаю Михайловичу фотографию с кардиохирургического конгресса, который проходил в Сан Пауло (Бразилия), где мне предоставили возможность быть сопредседателем. Он тогда сказал: "Леня, многое можно купить. А это — не купишь ни за какие деньги. С нашим оборудованием и возможностями оперировать аневризмы — все равно, что на медведя с рогатиной ходить. Я, откровенно говоря, думал, что у тебя тоже ничего не получится, но ты как настоящий упрямый хохол справился". Я ответил: "Не хохол, а украинец, и не упрямый, а настойчивый". Сам Николай Михайлович также пытался оперировать аневризмы и не раз терпел неудачи. Но он был очень честный человек и, если видел, что кому-то удастся делать лучше, признавал это.

Я познакомился с Амосовым в 1965 году. Откровенно говоря, все, чего я достиг, чего добился в институте, — это благодаря Николаю Михайловичу. Ведь родители у меня были неграмотными. Я из бедной многодетной семьи, и все давалось нелегко. Родители привили любовь к труду. Учили быть усидчивым, упорным, добиваться поставленной цели, преодолевать трудности и говорить кратко, по сути. Последнее очень ценил Николай Михайлович. Он считал, что если человек много говорит, не может выразить свою мысль по существу, то он дурак.

Я прочитал книгу Николая Михайловича "Мысли и сердце", когда еще работал районным хирургом, и понял: надо идти к нему. К Амосову было трудно попасть — он все время был занят, оперировал. Я знал, что места в аспирантуре уже нет, но есть в ординатуре, и решил попробовать.

Я встретил Николая Михайловича в коридоре по дороге в операционную и сказал, что хочу поступить к нему в ординатуру. Он мне: "А докажи, что ты не дурак". Я говорю: "Окончил школу с золотой медалью". "Такое бывает", — сказал он. Я продолжил: "Институт с отличием". Он: "И такое тоже бывает". И идет дальше. Я с трепетом показываю ему список проведенных мной операций. А в этом списке многое выглядело даже неправдоподобным, потому что я делал очень широкий перечень операций, и мне везло успешно их проводить. После института я работал хирургом в больнице на Сумщине, самостоятельно начал оперировать самые различные случаи, в том числе связанные с травматологией, урологией, гинекологией. Амосов просмотрел и говорит: "Да, небось, привираешь, братец!". И тут я выдаю свой последний аргумент: "Николай Михайлович, у меня родители совершенно неграмотные!" Он остановился и сказал: "Ну, раз так — посмотрим, чего ты стоишь". Проверку временем я прошел.

В 1979 году мы готовились к операции по полному протезированию грудной аорты. В литературе в то время нашли 15 попыток проведения подобной операции и только 3 были удачными. Большинство больных просто умирали от разрыва аорты и кровоизлияния. Кровопотеря при операциях аневризмы происходит чрезвычайно большая, а используемые системы искусственного кровообращения и протезы сосудов были до недавнего времени несовершенны.

Н.М.Амосов попросил меня позвонить в любое время, когда закончится операция, сообщить, как все прошло. Я начал операцию в 10 утра, закончил в 1 час ночи. В два часа ночи звоню ему, докладываю, что операция закончена. Он спрашивает: "Больной жив?" Я говорю: "Жив". Он продолжает: "А ты жив?". Я ответил, что тоже.

Раньше аневризма грудной аорты — это был смертельный приговор. А разбирались в этой проблеме самостоятельно, публикаций было мало, возможности поехать за границу на стажировку не было. Я выискивал американские публикации и из них получал хоть какую-то информацию.

Николай Михайлович был строгим, требовательным, быстро принимал решения, относился к людям, исходя из своих талантов, знаний, не терпел разгильдяев. Он считал, что если у человека нет способностей и желания учиться, то нечего с ним возиться. Кандидатскую диссертацию он мне запланировал в течение 10 минут, набросал схему на одном листе бумаги. Он тогда говорил, что тема нелегкая, и до меня он уже двоим давал ее в разработку, но они не справились. А мне сказал, что могу тоже "утонуть", но он надеется — "выплыву". Многие были непонятны, но спрашивать у Николая Михайловича я не стал. Пришлось многое изучать, выкручиваться, разбираться, даже привлекать электронно-вычислительную технику с помощью Озара Петровича Минцера.

С Николаем Михайловичем мне было легко работать. Он был требователен, но я из многодетной семьи и привык трудиться. По окончании ординатуры из-за отсутствия жилья мне пришлось уехать в Черновцы и там продолжить работу, как

в общей хирургии, так и кардиохирургии. Но через два года приехал в Черновцы Николай Михайлович и сказал: "Нечего тебе здесь делать. Возвращайся назад, в институт. Ты можешь достигнуть большего, стать, как минимум, профессором". Я после этого вернулся в Киев и приложил максимум усилий, чтобы выполнить его пожелание.

Докторскую диссертацию я защищал в Москве в Институте сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева. Когда я принес профессору В.И. Францеву заготовленный отзыв на автореферат, чтобы не утруждать его бумагами, он сказал, что я неправильно написал, слишком скромно, что он сам от себя напишет...

Амосов очень верил в молодых, серьезно относившихся к своему делу врачей. Он чувствовал "нутром" настоящего кардиохирурга. Считал, что прежде всего у такого специалиста должен быть высок интеллектуальный уровень. Поэтому любил проводить мини-блиц-тесты на сообразительность. Мог неожиданно дать молодому коллеге прочесть статью, публикацию и тут же спросить, о чем там говорится. Нужно было быстро соображать, уловить и понять саму суть написанного, основные моменты.

В работе он был неистов, и от учеников требовал того же: максимальное количество операций с максимальной отдачей! Много способных ребят-хирургов сошли с дистанции — не выдержали темпа.

Ну и, кроме того, Николай Михайлович не прощал обмана, халатности и самоуверенности. Я сперва думал, что он не испытывает страха во время операций. Выдающийся кардиохирург, академик... Но вот однажды мы оперировали с ним — почти 12 часов! — тяжелейшую больную. Я заволновался, что-то спросил, а он: "Да замолчи ты! Я тут сам чуть в штаны не напущу со страху..." Страх за жизнь человека его не покидал. А вдруг откроется кровотечение? Он описал этот ужас в своей книге — когда на операционном столе осталась лежать девочка с белыми бантами...

Николай Михайлович был не только строгим и требовательным к своим подчиненным, но и заботливым. В советские времена даже много лет практикующий хирург не имел собственного жилья по 10-15 лет, что говорить о молодых! А специфика нашей профессии предполагает работу кардиохирурга в институте по 15-20 часов. Поэтому, будучи депутатом Верховного Совета нескольких созывов, Амосов помог нескольким хирургам, в том числе и мне, получить свое жилье. Причем, для себя он ни разу не воспользовался ни одной привилегией депутатского "мандата", оставаясь истым бессребреником.

Последний раз мы виделись с Николаем Михайловичем 12 декабря 2002 года в Октябрьской больнице. Его дочь Катя попросила, чтобы я подъехал. Он лежал в кардиологическом центре. Горько было понимать, что он угасает. Потерял в весе килограммов десять, а ведь и без того был худой. Но голова оставалась такой же светлой! Мы поговорили, как обычно, и расстались. А через несколько часов его не стало...

Своего учителя вспоминаю не только в дни его рождения, но и каждый день. У меня в кабинете висит портрет Амосова. Если приходят больные и пытаются "отблагодарить по-современному", я указываю на портрет со словами: "Николай Михайлович смотрит на меня — этого не следует делать". Конечно, он остается

эталон. Нам приходится сталкиваться с очень разными аспектами человеческого характера, судеб, счастья и горя. Во всех ситуациях стараюсь быть верным принципам своего Учителя.

2007-2013 гг.

"Николай Амосов. Воспоминания современников"
Киев, Издательский дом "Личности", 2015